

ФАЛЬШИВАЯ НОТА

В апреле 1917 года – менее чем через два месяца после победы революции – разразился самый настоящий политический кризис. Первый, но далеко не последний в короткой истории Временного правительства. Впрочем, он никак не был связан с приездом Ленина...

Текст: **Олег НАЗАРОВ**, доктор исторических наук

Апрельский кризис Временного правительства спровоцировал министр иностранных дел Павел Милюков. Лидер кадетской партии, блестящий думский оратор, историк – долгие годы он считался политическим тяжеловесом, чуть ли не главным оппозиционером страны, «политиком от Бога». Однако испытание властью показало: слухи о политическом величии Милюкова оказались сильно преувеличены. Став министром в начале марта 1917 года, он перестал им быть уже в конце апреля.

В известном смысле Милюкова можно назвать самым временным министром Временного правительства. И хотя он и пережил многих своих коллег по кабинету, закончив земную жизнь во Франции в марте 1943 года, его политическая карьера на этом оказалась завершённой.

И все из-за того, что в апреле 1917 года министр иностранных дел Милюков направил правительствам держав Антанты ноту, в которой заверял западных партнеров, что Россия будет вести войну вплоть до победного конца. Когда об этой ноте узнали рабочие и солдаты Петроградского гарнизона, они, как в дни Февральской революции, снова вышли на улицы, теперь уже требуя отставки Милюкова. Впервые столкнувшись со столь широким проявлением народного недовольства, министр-председатель Временного правительства князь Георгий Львов и все члены его кабинета сразу же ощутили, насколько непрочна их власть и как сильны в обществе антивоенные настроения.

Павел Милюков –
министр иностранных дел
Временного правительства
со 2 марта по 5 мая 1917 года

ВОПРОС О ВОЙНЕ

Февральский переворот оказался успешным во многом потому, что против Николая II одновременно выступили рабочие, солдаты, социалисты, либералы, высокопоставленные военные и даже некоторые представители династии Романовых. После падения монархии эта ситуативная «коалиция» распалась. Вопреки ожиданиям недальновидных либералов, весной 1917-го революционный процесс начал набирать обороты, пугая одних и вселяя надежды в сердца других. К середине марта стало ясно, что на повестке дня стоят острые злободневные вопросы, решить которые к всеобщему удовлетворению нельзя. Накопившиеся проблемы грозили крупными общественными потрясениями.

Важнейшим из наиболее острых был вопрос о войне, тянувшейся уже более двух с половиной лет. Позиция большинства членов Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (Петросовета) заключалась в необходимости отказа от империалистических (захватнических по своей сути) целей войны и заключения мира без аннексий и контрибуций.

Приверженцы такого подхода в то время были по обе стороны фронта. Несмотря на то что многие члены Второго (Социалистического) Интернационала в начале Первой мировой войны поддержали воюющие правительства своих стран, среди европейских социалистов нашлись и решительные противники «всемирной бойни». 38 из них, собравшись в сентябре 1915 года в швейцарском Циммервальде, предложили принципы выхода из войны: заключение мира без аннексий и контрибуций и обеспечение права наций на самоопределение. В марте 1917 года эти идеи разделяли многие, в том числе и в Петросовете.

Однако с формулой мира «без аннексий и контрибуций» был категорически не согласен Павел Миллюков. Близкий к нему кадет Владимир Набоков писал: «Миллюков и в прессе, и с трибуны Государственной Думы

Демонстрация протеста в Петрограде. Люди несут плакаты «Долой захватную политику!», «Долой Миллюкова!». Апрель 1917 года

с самого начала вел упорную борьбу с Циммервальдом. Он был абсолютно чужд и враждебен идее мира без аннексий и контрибуций». Лидер кадетов неоднократно заявлял, что со стороны России было бы нелепо и преступно отказаться от Константинополя, Босфора и Дарданелл, и подчеркивал, что окончить войну без аннексий и контрибуций не согласятся Лондон, Париж и Рим. А став министром иностранных дел Временного правительства, он требовал выполнения договоренностей с союзными государствами, заключенных императорской Россией.

Миллюков сразу же, как только занял этот пост, попал под давление союзников. Уже 5 (18) марта, когда

Морис Палеолог – посол Франции в России с 1914 по 1917 год

Временному правительству было всего три дня от роду, французский посол в России Морис Палеолог прибыл в Министерство иностранных дел, где, как вспоминал потом сам Миллюков, тотчас «перешел к требованию, чтобы правительство немедленно провозгласило торжественно о своем решении продолжать войну». Глава российского МИДа, пояснив послу, что правительство старается выработать декларацию о ведении войны, которая удовлетворила бы и союзников, и Петросовет, добавил: «Я надеюсь провести формулу, которая вас удовлетворит». В ответ Палеолог раздраженно бросил, что ему нужна не надежда, а уверенность. Комментируя диалог дипломатов, американский историк Роберт Уорт не удержался от замечания: «Посол мог бы проявить больше вежливости, поскольку в России не было более преданного поборника дела союзников, чем сам министр иностранных дел».

Миллюков в очередной раз подтвердил это 11 (24) марта. Выступая перед дипломатическим корпусом, он говорил о стремлении России вести войну до победы. О том, что успех в войне сулил победителям аннексии и контрибуции, напоминать послам Антанты было излишним.

В свою очередь, 14 (27) марта Петросовет принял воззвание «К народам мира», призвав их «к совместным решительным выступлениям» в пользу мира и заявив о том, что российская демократия «будет всеми мерами противодействовать захват-

* При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров».

ИЗ НОТЫ МИЛЮКОВА

«Правительство старого режима, конечно, не было в состоянии усвоить и разделить эти мысли об освободительном характере войны, о создании прочных основ для мирного сожительства народов, о самоопределении угнетенных национальностей и т. п. Но Россия освобожденная может в настоящее время заговорить языком, понятным для передовых демократий современного человечества, и она спешит присоединить свой голос к голосам своих союзников.

Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действительным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей родины.

Само собой разумеется, как это и сказано в сообщаемом документе, Временное правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников. Продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны, в полном согласии с союзниками, оно совершенно уверено и в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем».

Временное правительство в том составе, который был учрежден в первые дни революции, просуществовало до 5 мая 1917 года

ной политике своих господствующих классов». Документ включал и другой важный тезис: «Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой». И хотя призыв к «революционному оборончеству» не разделялся последовательными сторонниками циммервальдской линии, положения двуединой формулы – «борьба за мир и вооруженная защита революции» – легли в основу внешнеполитического курса Петросовета.

ДЕКЛАРАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В условиях мировой войны вопрос об отношении к ней новой власти требовал полной ясности. Временное правительство, не все члены которого разделяли «дарданелльство» Миллюкова, попыталось выработать общую с Петросоветом позицию.

Вечером 24 марта (6 апреля) в Мариинском дворце начались переговоры делегации Исполкома Петросовета в составе Николая Чхеидзе, Матвея Скобелева, Ираклия Церетели, Василия Филипповского, Юрия Стеклова и Николая Суханова с Временным правительством.

27 марта (9 апреля) сторонам удалось согласовать текст Декларации Временного правительства о задачах войны.

В опубликованном на следующий день «Обращении к гражданам» (таким образом второе название документа) говорилось: «Оборона во что бы то ни стало нашего собственного родного достояния и избавление страны от вторгнувшегося в наши пределы врага – первая насущная и жизненная задача наших воинов, защищающих свободу народа. Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своей целью ничего порабощения и унижения».

Казалось бы, тем самым Временное правительство отказывалось от мечты шовинистов (включая министра Милюкова) водрузить русский флаг над Дарданеллами. Впрочем, при этом в текст по настоянию кадета Федора Коккошкина попали также слова о соблюдении обязательств перед союзниками. Это поставило согласование заявления с социалистами на грань срыва, ведь сами обязательства содер-

В 1917 году одним из наиболее острых был вопрос о войне, тянувшейся уже более двух с половиной лет

жались в секретных договорах, которых авторы декларации правительства в глаза не видели.

В итоге представители Исполкома одобрили документ только после слов министра путей сообщения Николая Некрасова, тоже члена кадетской партии, что они могут трактовать уклончивые формулы документа в свою пользу. Но и Милюков, как он сам отмечал в воспоминаниях, «выговорил себе право в случае неблагоприятного толкования заключенного компромисса толковать его в своем смысле».

Все участники «сделки» понимали, что такой компромисс вряд ли будет долговечным.

КАДЕТСКИЙ ДЕМАРШ

Положение Милюкова усугублялось тем, что расхождения по вопросу о войне наметились и в правительстве. Главным противником главы МИДа стал Александр Керенский, который, возглавив Министерство юстиции, остался заместителем председателя Исполкома Петросовета. В Совете он бывал нечасто, зато высокопарно заявлял, что в правительстве является «заложником демократии».

Керенский позже писал: «Милюков не разделял стремления правительства не накалять страсти вокруг вопроса о целях войны. После опубликования правительственной декларации он дал понять, что не считает себя, как министра иностранных дел, связанным этим документом. Столь сенсационное заявление вызвало поток взаимных обвинений, в результате чего был нанесен огромный ущерб авторитету правительства...»

Дополнительной уверенности Милюкову придал состоявшийся в конце марта VII съезд Конституционно-демократической (кадетской) партии. Съезд провозгласил Временное правительство «единственной исполнительной и законодательной властью страны», отведя Советам роль совещательного органа. Кадеты дружно высказались за продолжение войны до победы, завершить которую без приобретений не хотели. Настроение съезда выразил Федор Родичев, прямо заявивший: «Нам нужны проливы».

Русские артиллеристы заряжают пушку во время боя с германскими войсками. Первая мировая война

В начале апреля в Петроград из эмиграции вернулся лидер эсеров Виктор Чернов, торжественно встреченный на Финляндском вокзале. Придя в Петросовет, он, по свидетельству Церетели, сделал «доклад о настроении в Западной Европе и о том, какое огромное впечатление производили там призывы Совета к демократическому миру». «Но в Европе, говорил Чернов, нашли распространение также заявления и интервью министра иностранных дел Милюкова, идущие вразрез с этой кампанией. Там создано впечатление, что Временное правительство расходится в этом основном вопросе с Советами, и там совершенно незамеченной прошла декларация правительства об отказе от империалистических целей войны. Поэтому Чернов предлагал потребовать от правительства, чтобы оно сообщило союзникам свое «Обращение к гражданам» от 27 марта официально, в форме дипломатической ноты. Мы все, конечно, согласились с этим», – вспоминал Церетели.

11 (24) апреля Петросовет потребовал от правительства представить союзникам «Обращение к гражданам» в официальном порядке. Через несколько дней о том же Милюкову напомнил Керенский – через газету «Дело народа».

Результатом давления на министра иностранных дел стала так называемая нота Милюкова от 18 апреля (1 мая) 1917 года. В ней он поручил послам России передать правительствам государств Антанты Декларацию Временного правительства о задачах войны от 27 марта, сопроводив ее комментариями, составленными самим главой российского МИДа. Давая свое толкование, Милюков предложил считать декларацию соответствующей «тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися государственными деятелями союзных стран». Он опроверг слухи о стремлении России заключить сепаратный мир и заверил союзников в ее готовности воевать до победного конца.

НА УЛИЦАХ ПЕТРОГРАДА

Свою ноту Милюков отправил правительствам государств Антанты 18 апреля, или, по новому стилю, 1 мая – в День международной солидарности трудящихся (он праздновался по решению I конгресса Второго Интернационала, прошедшего

в Париже в июле 1889 года). В 1917-м Россия отмечала Первой вместе с Европой. Очевидец свидетельствовал: «Митингов предполагалось без числа. Все помещения Петербурга, сколько-нибудь подходящие для этого, – театры, кинематографы, цирки, высшие учебные заведения и проч. – были в этот день отведены для рабочих, солдатских и общегражданских собраний. Днем, независимо от процессов и церемоний, повсюду должны были состояться митинги более делового характера. Вечер же был предназначен для смешанных собраний – с участием художественных сил. <...> Разумеется, все и везде было бесплатно».

МИЛЮКОВ БЫЛ АБСОЛЮТНО ЧУЖД И ВРАЖДЕБЕН ИДЕЕ МИРА БЕЗ АННЕКСИЙ И КОНТРИБУЦИЙ; ОН СЧИТАЛ, ЧТО СО СТОРОНЫ РОССИИ БЫЛО БЫ НЕЛЕПО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ, БОСФОРА И ДАРДАНЕЛЛ

19 апреля (2 мая) министр-председатель Львов прислал текст милюковской ноты в Петросовет «для сведения». Церетели вспоминал: «Я получил пакет в присутствии Чхеидзе, Скобелева, Дана и некоторых других членов Исполнительного комитета и прочитал вслух текст, который нас ошеломил. <...>

Чтобы понять впечатление, которое произвела на нас эта нота, надо представить себе атмосферу революционной России в эту эпоху и ту кампанию, которую вела советская демократия. Во всех наших обращениях к социа-

листическим партиям всего мира, в нашей прессе, в наших резолюциях и речах, обращенных к населению и армии, мы постоянно подчеркивали, что заявление Временного правительства от 27 марта является первым с начала мировой войны актом, которым одна из воюющих стран отказалась от всяких империалистических целей. Мы не уставали подчеркивать, что общественное мнение союзных демократических стран должно поддержать этот почин, чтобы добиться такого же отказа от империалистических целей со стороны своих правительств и выработать новую общесоюзную платформу общедемократического мира. Именно по этим соображениям настаивали мы на превращении заявления 27 марта в официальную ноту».

Ознакомившись с документом, Чхеидзе тихо произнес: «Милюков – это злой дух революции». Нота ошеломила и возмутила не одних только умеренных социалистов. Когда 20 апреля (3 мая) она появилась в газетах, разразился политический кризис. В этот день, как писал внефракционный социал-демократ Николай Суханов, когда члены Исполкома Петросовета обсуждали ноту Милюкова и «судили о том, что делать, пришли новые сенсационные вести». «Двинулся Финляндский полк – со знаменами и с плакатами “Долой захватную политику!”, “В отставку Милюкова и Гучкова!”, – вспоминал Суханов. – Полк направился к Мариинскому дворцу, окружил его и занял все входы и выходы... За финляндцами двинулись и другие полки – Московский, 180-й. Солдаты проявляли большое возбуждение; по их словам, они шли с намерением арестовать Милюкова и все Временное правительство».

К Мариинскому дворцу был срочно отправлен Матвей Скобелев. Выяснилось, что солдат Финляндского полка на демонстрацию против ноты Милюкова привел беспартийный прапорщик Федор Линде, еще недавно бывший членом Исполкома Петросовета, но вышедший из него. Скобелев стал успокаивать солдат, настойчиво призывая их отказаться от намерения «надавить» на правительство. Уговорил...

Впрочем, на улицы Петрограда вышли не только противники Милюкова, но и его сторонники. Митинги и демонстрации проходили как под лозунгами в пользу Временного

Апрельские дни в Петрограде. Рабочая демонстрация. 1917 год. Рис. Н. Павлова

правительства, так и против. Были и столкновения, и жертвы.

21 апреля (4 мая) акции протеста продолжились. Особенно активно вели себя рабочие Выборгской стороны, которые прорвались на Невский проспект, проигнорировав уговоры Чхеидзе вернуться домой. Для разгона протестующих командующий войсками Петроградского военного округа генерал Лавр Корнилов по приказу военного министра Александра Гучкова попытался вызвать на Дворцовую площадь две батареи Михайловского артиллерийского училища. Но из затеи ничего не вышло: собрание солдат и офицеров постановило не давать орудий. Разгневанный Корнилов подал в отставку. Его уговорили остаться. Впрочем, ненадолго: 29 апреля (12 мая) в отставку подали и Корнилов, и Гучков.

КОАЛИЦИОННЫЙ КАБИНЕТ КАК ИТОГ КРИЗИСА

Весь день 21 апреля (4 мая) ситуация в Петрограде была взрывоопасной. Вождь большевиков Владимир Ленин так охарактеризовал действия противников Милюкова: «несколько больше, чем вооруженная демонстрация, и несколько меньше, чем вооруженное восстание». В накаленной обстановке Исполком Петросове-

та и Временное правительство пошли на примирение. На заседании Исполкома инцидент с нотой был признан исчерпанным.

Вечером в зале Морского корпуса состоялось общее собрание Петросовета, на котором присутствовало более 2 тыс. депутатов. В резолюции, принятой подавляющим большинством голосов (при тринадцати против), говорилось: «Временное правительство совершило акт, которого добивался Исполнительный комитет. Оно сообщило текст своей декларации об отказе от захватов правительствам союзных держав... Однако нота Министерства иностранных дел сопровождала сообщение такими комментариями, которые могли быть поняты как попытка умалить действительное значение предпринятого шага...»

Единодушный протест рабочих и солдат Петрограда показал и Временному правительству, и всем народам мира, что никогда революционная демократия России не примирится с возвращением к задачам и приемам

царистской внешней политики и что ее делом остается и будет оставаться непреклонная борьба за международный мир... Вызванное этим протестом новое разъяснение правительства кладет конец возможности толкования ноты 18 апреля в духе, противном интересам и требованиям революционной демократии».

Затем, обсудив известие о новом кровопролитии на Невском проспекте, Петросовет единогласно постановил объявить двухдневный запрет на проведение демонстраций.

В свою очередь, 22 апреля (5 мая) Временное правительство опубликовало в газетах разъяснение или, скорее, отречение от ноты Милюкова, заявив, что тезис о победоносном окончании войны якобы означал всего лишь достижение целей, заявленных в декларации от 27 марта...

Апрельский кризис завершился 5 (18) мая, когда после нескольких дней нервных переговоров, проходивших под председательством князя Львова, был образован первый коалиционный состав Временного правительства. В него наряду с девятью либералами вошли шесть социалистов: меньшевики Скобелев и Церетели, эсеры Керенский (и ранее входивший в состав правительства) и Чернов, народный социалист Алексей Пешехонов и трудовик Павел Переверзев.

Инициатор кризиса был отстранен от руководства внешней политикой и навсегда покинул Временное правительство, не пожелав стать министром просвещения.

Выступая 9 (22) мая на VIII съезде Конституционно-демократической партии, он без дипломатии заявил, что «никогда не давал повода союзникам говорить, что проливы нам не нужны».

Иллюзий в отношении прочности коалиционного кабинета Милюков не питал. Много лет спустя он записал в воспоминаниях: «Кое-как сколоченный таким образом политический омнибус не обещал благополучного путешествия. Крушения в пути должны были быть часты – и участиться вплоть до развала всей машины». ■

**«Историк»
рекомендует**
ЧТО ПОЧИТАТЬ?
УОРТ Р.
Антанта и русская революция.
1917–1918. М., 2006
АЙРАПЕТОВ О.Р.
Участие Российской империи
в Первой мировой
войне. 1917.
М., 2015